

Глава 8

Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

Если уж Россия стремится стать управляемой и экономически жизнеспособной, ей надо «сжать» себя в ранее предложенном нами смысле – *не путем отказа от земель, а путем пространственной реорганизации своей экономики*. Задача заключается в том, чтобы сократить расстояния и создать новые связи. Людям желательно мигрировать на запад, тем самым уменьшая крупные города в самых холодных и удаленных регионах. Однако преграды на пути самокоррекции все еще велики. До сих пор мобильность и миграция в европейскую часть России сдерживается следующими факторами: ограничениями по поселению в Москве; отсутствием заметного экономического роста, новых рабочих мест и жилья в других административных центрах и городах; неадекватной системой социальной защиты; нерешительностью самих людей или неосуществимостью переезда для них; преимуществами за счет субсидирования в специфических регионах. Кроме того, история еще не знала столь масштабного уменьшения городов, в каком нуждается Россия. Изменение российской экономической географии будет дорогостоящим и болезненным процессом, хотя он в конце концов и выведет Россию на правильный путь развития.

Программы перераспределения и переселения, подобные программе Всемирного банка по реструктуризации Севера, вряд ли смогут оказать существенную помощь людям по выезду из самых суровых и в высшей степени непривлекательных регионов России, если у мигрантов не будет реальных альтернатив в тех местах, куда они смогут переехать. На деле «расселение Севера» может обернуться тем, что у мигрантов как регионального, так и федерального уровня возникнут серьезные затруднения и на новом месте. Хотя многие ограничения советской эпохи по миграции были устранены и правительство заявляет, что мобильность населения возрастает, перемещение в Российской Федерации все еще не такое уж простое дело. Одной из самых больших российских проблем по-прежнему остается то, что пожелания людей отодвигаются на второй план ради интересов государства.

Наследие российской и советской истории – это необходимость ограничения свободного перемещения людей и направления их в города и территории, обозначенные государством. Парадокс россий-

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

ской физической географии заключается в том, что ее гигантское территориальное пространство располагает к мобильности населения, в то время как российское правительство никак не желает его мобильности или желает, чтобы эта мобильность имела своей целью какой-то конкретный участок территории. Поэтому правительству приходится ограничивать мобильность. Контроль над стихийной мобильностью и ее ограничение являются отличительной чертой России – из-за ее уникального размера и, следовательно, из-за того, что у людей есть возможность скрыться и избежать обнаружения¹.

Препятствия для мобильности и миграции

И по сей день люди все еще по-настоящему не свободны в передвижении по России (хотя они, по всей видимости, это делают), и не ясно, осознаёт ли российское правительство когда-нибудь важность оказания людям активной поддержки при миграции. Российский демографический кризис обостряет страхи по поводу уменьшения численности населения в таких стратегических регионах, как Дальний Восток и Сибирь, которые граничат с Китаем (этот вопрос анализируется в следующей главе). Одновременно существует опасение по поводу сосредоточения слишком большого количества людей в Москве, усугубляющего феномен превращения столичного города в «государство в государстве». Кроме того, многие люди остаются на Урале и в Сибири и не хотят оттуда уезжать, несмотря на все неудобства тамошней жизни. Но одним из главных препятствий для полной мобильности и миграции являются сохраняющиеся ограничения советских времен на проживание в Москве и других городах, привлекательных для мигрантов. Несмотря на формальную отмену советской системы прописки, города продолжают попытки препятствовать миграции, опасаясь перегрузки муниципальных и социальных служб.

Система прописки

Государственные меры по контролю над потоками населения в России уходят своими корнями в прошлое лет этак на 150. В конце XIX столетия царский режим ввел внутренние паспорта с целью регулировать процессы урбанизации и миграции. Хотя большевики и отменили эту систему в 1917 году, когда пришли к власти, внутренние паспорта были вновь введены в 1932 году вместе с обязательной *пропиской*, или разрешением на проживание. Советские

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

граждане были обязаны зарегистрировать свое место проживания в местной милиции, чтобы получить прописку. Проживание по любому другому адресу считалось уголовным преступлением и каралось штрафом или даже тюремным заключением. Представление прописки было непременным условием принятия на работу, оформления брака, поступления в школу или получения социального обслуживания.

Хотя эта практика первоначально и была представлена как средство защиты советских людей и залог обеспечения требуемого распределения рабочей силы и ресурсов в рамках плановой экономики, прописку явно использовали и для решения политических задач. Например, некоторым социальным группам постоянно отказывали в прописке: бывшим заключенным, диссидентам и определенным этническим группам, например, цыганам². Стремясь ужесточить контроль над миграцией, некоторые города в Советском Союзе объявили «закрытыми». Эти города были либо полностью закрыты для поселения, либо в них находились предприятия, из-за которых им в административном порядке не разрешалось расширяться. В обоих случаях прописка или, скорее, отказ в оформлении прописки на проживание в этих городах – была механизмом осуществления политики «закрытых городов»³. К «закрытым» относили города со значительной концентрацией секретных оборонных предприятий или исследовательских учреждений, – такие как Горький (Нижний Новгород) и ядерные города Сибири, которые зачастую даже не были нанесены на карту⁴. Кроме того, в 1950–1960-х годах плановые органы были обеспокоены тем влиянием, которое могли оказать на СССР западные тенденции к все большему укрупнению городов. Они пытались предотвратить образование так называемых «городов-гигантов», стараясь ограничить численность населения в крупных советских городах 250 000–300 000 человек⁵.

В советский период система прописки не была настолько жесткой, какой она должна была стать по задумкам плановых структур, и многие находили способ ее обойти. Рабочие-мигранты, прибывавшие в Сибирь и на Север в 1960–1980-е годы и подлежавшие регистрации в тех регионах, часто переезжали оттуда в другие районы СССР или возвращались в свои родные дома. Немалым было и перемещение по СССР из сельских регионов в города. Тем не менее советские граждане считали внутренние паспорта и систему прописки очень серьезным препятствием географической мобильности. Во время опросов населения, проведенных в 1989–1990 годах, 76 процентов высказались за отмену системы прописки⁶. В конце 1980-х ограничения по миграции соблюдались строже, особенно в такие города, как Москва и столицы других советских республик⁷.

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

После развала Советского Союза система сдерживания мобильности и масштабов миграции была в значительной степени унаследована Россией. Система прописки технически была отменена после принятия и ратификации в декабре 1993 года новой постсоветской российской Конституции. Статья 27 гласит: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право на свободу передвижения и выбор места своего пребывания и проживания». Впоследствии были предприняты попытки восстановления подобия режима прописки. В настоящее время ограничения по проживанию существуют более чем в трети субъектов РФ несмотря на неоднократное признание неконституционности этой практики Конституционным судом Российской Федерации⁸.

Персональная сеть социальной защиты

В советскую эпоху многих людей либо понуждали к мобильности, как это делали с заключенными ГУЛАГа или с рабочими-мигрантами, либо вынуждали оставаться на одном месте посредством системы прописки. В постсоветскую эпоху, несмотря на возросшую потенциальную возможность отъезда из самых непривлекательных регионов Сибири, Севера и Дальнего Востока, люди, даже имея право свободного выбора, часто предпочитали не уезжать. Причины этого гораздо сложнее, чем просто преграды, создаваемые их мобильности ограничениями по проживанию.

Многие из тех, кто переехал на Север, в Сибирь и на Дальний Восток в 1970–1980-х годах, там и осели. Те же, кто приехал в конце в 1980-х и еще прочно там не обосновался, сохранив связи с другими регионами, выехали оттуда в 1990-х годах в числе первой волны отъезжающих, что и нашло свое отражение в статистике. Пожилым людям зачастую некуда было возвращаться, даже если бы они имели возможность переехать на новое место. Евгений Рупасов, распорядитель программы «Реструктуризация Севера», отмечал: «В конце 1980-х годов на Севере проживало какое-то количество состоятельных людей. Сегодня они стали самыми несчастными жертвами. Пятнадцать лет тому назад они могли бы вернуться в более приличный город, чем тот, откуда они приехали на Север, купить там квартиру, дачу, машину и мебель. Сейчас все их сбережения сгорели, и они остались без денег». Один из бывших узников ГУЛАГа в Сусумане уныло замечает: «Мы все здесь арестанты»⁹. Яркой иллюстрацией этого феномена и трудностей миграции стали впечатления немецкого журналиста Майкла Туманна (Michael Thumann) от поездки по Сибири (см. блок 8-1).

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Блок 8-1. Прощание с краем света

Евгений Янсен, восьмидесятилетний этнический немец с Украины, был депортирован в лагерь в Закаменске в Бурятии во время Второй мировой войны для работы в вольфрамовом руднике. Лагерь позднее был превращен в город для поддержки местных рудников и перерабатывающих фабрик. Сегодня производство вольфрама в Закаменске пришло в упадок, город заброшен, многие из его жителей уехали. Янсен и его жена живут в маленькой деревянной избе на окраине города посреди огорода, засаженного картошкой, капустой, помидорами и огурцами. Он тратит свою скудную пенсию на покупку семян и живет продуктами со своего участка. В Закаменске не осталось магазинов, лишь несколько киосков, продающих основные продукты питания и скудный набор товаров народного потребления. Янсону и другим жителям был предоставлен шанс переезда в другие города. Но многим это просто не по карману. Елена, которая оказалась заблокированной в Закаменске вместе со своей семьей, говорит, что она и ее муж не могут продать свое жилище, чтобы купить новое где-нибудь еще, — оно ничего не стоит, и они не могут подыскать себе новую работу. Она сказала: «У нас нет иной возможности уцелеть... Мы прикованы к этой квартире».

Город Сарылах в Якутии вырос вокруг золотого прииска. Как и в Закаменске, большинство обитателей Сарылаха переехали в другие места, в том числе в соседний город Усть-Нера. Город снабжается плохо. Основные продукты питания — масло, хлеб, мясо и молоко — стали недоступно дороги, а фрукты просто исчезли из местных магазинов. Жизнь стала «зависеть от того, что удастся найти». Один из бывших постоянных жителей Усть-Неры, Геннадий Кумаченко, приехал сюда сравнительно поздно, в 1978 году. Когда золотой прииск закрылся, Кумаченко вернулся в свой родной город на Украине, где у него оставались родственники, но не смог найти работу. Сейчас на летние месяцы он приезжает в Сарылах работать на прииске, который был вновь открыт на сезонной основе. Он живет в заброшенном жилище в городе. Во всей Республике Саха (Якутия) 19 горнодобывающих городов были признаны «бесперспективными поселениями» и «ликвидированы». В окрестностях Усть-Неры, считая жителей самого города (11 000), осталось только 19 000 человек. Каждое лето еще 1000 человек (часто бывшие постоянные жители вроде Кумаченко) приезжают в регион как рабочие-мигранты.

Источник: *Michael Thumann. Dossier: Abschied von Ende der Welt // Die Ziet. 31 December 2000.*

Традиционная экономическая теория исходит из того, что возращание разницы в уровне жизни и возможностях трудоустройства между холодными сибирскими регионами и регионами западной части России неизбежно будет стимулировать миграцию в западном направлении. Но на деле у большинства людей все происходит наоборот: продолжающийся спад в восточной экономике еще крепче привязывает их к теперешним местам проживания. Эта ситуация созвучна той, что создалась в Советском Союзе во время кампании по «ликвидации» десятков тысяч деревень в 1960-х годах. Подобно сегодняшним северным поселениям, те деревни были признаны «бесперспективными». Некоторых их жите-

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

лей уговорили уехать, а другие – самые бедные – остались там нередко из-за того, что не могли позволить себе покинуть свои мизерные земельные наделы и разорвать семейные связи. История свидетельствует, что при миграции эти семейные и социальные связи играют серьезную роль. Люди нуждаются в подстраховке со стороны сети социальной защиты.

Из того факта, что Север, Сибирь и Дальний Восток стали домом для миллионов людей в советскую эпоху, вытекает вполне определенный набор последствий развала российской системы социального обеспечения в 1990-х годах. Потерпевшими оказались, в большинстве своем, социально незащищенные и пожилые люди. Даже если у них и нашлись бы средства, чтобы уехать куда-нибудь еще, жизнь на новом месте, вдалеке от прежних связей с семьями и друзьями, могла привести к трагическим последствиям. Социологи, ученые и журналисты, которые посещали наиболее отдаленные регионы Российской Федерации в прошлом десятилетии, описывали, как люди стараются выжить в условиях истощающихся ресурсов. Обращали внимание и на то, как именно эти старания и привязывают людей к данному месту еще больше, чем прежде.

Нэнси Рис (Nancy Ries) из Университета Колгейт (Colgate University), например, рассказывает о стратегии выживания учителей, работников сферы здравоохранения и других государственных служащих, «чьи зарплаты зачастую малы и в ряде случаев не выплачиваются», пенсионеров с низкими фиксированными доходами и заводских рабочих «на крупных, но остановившихся предприятиях, где низкие зарплаты, часто задерживаемые или выплачиваемые в натуральной форме». Рис пишет, что для «большинства этих людей все десятилетие 1990-х означало непрерывное и неподъемное снижение покупательной способности, сопряженное с уменьшением государственных социальных пособий (здравоохранение, социальное обеспечение детей, жилье, энергия, транспорт, субсидии, оплачиваемые отпуска и т. д.)»¹⁰. При низкой покупательной способности и отсутствии субсидий продукты питания, которые люди могли сами производить на своих подсобных хозяйствах или получать от семьи и друзей, стали одной из самых главных опор в жизни¹¹. В результате «самообеспечение – в крайней степени «местничество» – стало логикой выживания для миллионов людей. Это не местничество децентрализованных рынков. Во многих случаях семьи вообще не имеют доступа к рынкам из-за того, что проживают в изолированных селениях, отдаленных областях или на разоренном войной Северном Кавказе, где нет постоянно работающих магазинов, или из-за того, что у них (чаще всего) просто нет денег»¹². Многие люди – как Евгений Янсен, упомянутый Майклом Туманном

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

(см. блок 8-1) – не хотят уезжать со своих пусть мизерных клочков земли и скудных средств к существованию, если им не гарантируется наличие аналогичных средств существования в другом месте¹³.

Следовательно, возможность получения этих средств к существованию играет важную роль при принятии решений о переселении. В тех случаях, когда эти средства связаны с промышленным предприятием, а не с одним лишь участком земли или квартирой, сохранение и укрепление этих связей становится особенно важным.

Нэнси Рис пишет: «Обретение пусть даже отдаленного отношения к пусть даже едва функционирующему предприятию может означать обретение минимальных средств к существованию взамен безысходности быть предоставленным самому себе. Помимо всего прочего, предприятия могут (в различных вариациях): предоставлять участок земли для выращивания картофеля и других сельскохозяйственных продуктов; субсидировать или предоставлять электроэнергию, тепло, водоснабжение... вместо зарплаты, товары для продажи... снабжение продуктами питания и членство в организациях взаимопомощи»¹⁴.

Одним из ярких примеров важности той роли, которую играет конкретное предприятие при принятии решения о переселении, является «Норильский никель». Несмотря на свое изолированное и непривлекательное местоположение и суровый климат (со средними январскими температурами -35° , он занимает десятое место в списке российских городов, вносящих негативный вклад в российскую ТДН), Норильск, как ни странно, оказался притягательным для мигрантов из Российской Федерации и из-за ее пределов (см. блок 8-2).

Блок 8-2. Норильск и переселение в Российской Федерации

«Норильский никель» – одна из самых крупных в мире металлургических компаний, производящая помимо никеля одну треть мирового производства палладия, четверть производства платины и одну пятую производства меди^{1*}. В компании заняты тысячи людей, включая и значительный контингент рабочей силы из заключенных, используемый в литейных цехах, а также в качестве геологов, шахтеров и подсобных рабочих на выработке электроэнергии, при региональных перевозках, в жилищном строительстве, образовании и здравоохранении^{2*}. Он остается, по словам одного из служащих, «островком коммунизма»^{3*}.

Положение дел на «Норильском никеле» разительно отличается от положения дел в других городах с градообразующим предприятием. После развала Советского Союза и последующей приватизационной кампанией там продолжают выплачивать высокие зарплаты (в 6–10 раз выше средних по стране), предоставлять и развивать социальное обслуживание в самом Норильске (включая жилищные субсидии, добавочные пенсии и дотации на обучение). Это оказалось привлекательным для тысяч мигрантов из окрестных регионов, а также из других мест России и бывшего Советского Союза, включая Азербайджан, Казахстан и Украину^{4*}.

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

В 2001 году, по официальной статистике, численность населения в Норильске составляла примерно 235 000 человек. Там же, как сообщалось, проживали 35 000 дополнительных «неофициальных» (не зарегистрированных) постоянных жителей^{1*}. Наплыв новых мигрантов был так велик, что в марте 2001 года мэр города Олег Бударгин и генеральный директор «Норильского никеля» Джонсон Хагажеев обратились к российскому министру по чрезвычайным ситуациям Сергею Шойгу с просьбой ограничить миграцию путем восстановления ограничений советских времен (Норильск был зоной, запрещенной для заселения, до 1990 года). Они утверждали, что это необходимо для предотвращения приезда в город «преступников и террористов». Их апелляция, однако, в первую очередь имела в виду ту нагрузку, которую накладывает приток мигрантов «на эффективность государственных и местных социальных программ и на предприятие»^{6*}. Мэр позднее посетовал на то, что (как и повсюду на Севере) «содержание неработающих людей здесь вчетверо дороже, чем на «материке»^{7*}. Просьбу Норильска об ограничении миграции российское правительство удовлетворило. С 25 ноября 2001 года ограничения на въезд туда были введены. От потенциальных посетителей города при покупке авиабилета стали требовать приглашение и специальное разрешение^{8*}.

В соответствии с условиями проекта «Реструктуризация Севера» и другими инициативами, Норильск намерен к 2010 году уменьшить численность своих жителей на 160 000 человек. «Норильский никель» уже уменьшил численность своих рабочих со 125 000 в 1996 году до 60 000 человек и хотел бы снизить ее до 50 000 человек, чтобы повысить доходность^{9*}. Однако компания продолжает оказывать поддержку не только городу, но и большей части окрестного региона. Один западный журналист, посетивший Норильск в августе 2001 года, сказал: «В советские годы развитие Крайнего Севера происходило организованно, и чувствовалось, что на государство можно было положиться, но за последнее десятилетие, когда государству, похоже, пришлось следовать марксистскому принципу постепенного отмирания государства, «Норильский никель» заполнил вакуум, оказывая региону такую большую поддержку, о какой и не мечталось никакому советскому партийному боссу»^{10*}.

^{1*} См.: *Geoffrey York*. Even Prosperous Russian Towns Yearn for Soviet Rule. Noril'k Could Have Barred Fortune-Seekers under the Old System // *Globe and Mail* (Canada). 24 July. P. A3.

^{2*} Российский географ Владимир Каганский утверждал, что порядка 3000 заключенных из местных тюрем работали на комбинате «Норильский никель» в 1997 году. См.: Что такое «Норильский никель» // Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 238.

^{3*} *Colin McMahon*. Siberian City Balks at Reform: Old-Style Subsidies Keep Town Alive, To Russia's Dismay // *Chicago Tribune*. 20 July 2001. P. 3.

^{4*} *Sharon LaFraniere*. A City Built by Stalin Chooses to Stay Frozen in Time // *Washington Post*. 25 May 2003. P. A29.

^{5*} *Russia Closes Its Northernmost Industrial Center for Foreigners* // *BBC Monitoring*. 24 November 2001.

^{6*} *Noril'sk Asks for Travel Restrictions* // *Moscow Times*. 14 March 2001. P. 4.

^{7*} *Тарасов А.* Свои и чужие. Норильский промрайон закрывают для иностранцев // *Известия*. 2001. 26 апреля. С. 2.

^{8*} *Robin Dixon*. Russian City to Ban 'Outsiders': Authorities in Noril'sk Say Decree is Aimed at Curbing Crime and Drug Problems // *Los Angeles Times*. 9 November 2001. P. 30A.

^{9*} *Colin McMahon*. Siberian City Balks at Reform; *Sharon LaFraniere*. A City Built by Stalin Chooses to Stay Frozen in Time; *Robert Kaiser*. Siberia Diary: Noril'sk, Stalin's Siberian Hell, Thrives in Spite of Hideous Legacy // *Washington Post*. 29 August 2001. P. C1.

^{10*} *Tara Warner*. Building a Home in Russia's Far North: Subsidies and High Wages Lure Some to Harsh Arctic Land // *Russian Journal*. 24–30 August 2001.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

«Крепостничество» для мигрантов

Норильск стал привлекательным для мигрантов не из-за наличия новых рабочих мест и не из-за достоинств самого города, но из-за щедрых социальных субсидий «Норильского никеля». Так куда же еще люди хотят переехать в России? В большинстве случаев не туда, куда направило бы их российское правительство, – в центральные регионы Европейской России, страдающие от демографического спада и сталкивающиеся с нехваткой рабочей силы. Бывший российский премьер-министр Михаил Касьянов на презентации по поводу разработки специальной правительственной программы для детей, проживающих на Севере, отмечал: «Многие из тех, кто пожил здесь, на Севере, просто не хотят переезжать в центральные районы России. Некоторые из них поговаривают о том, что хотели бы жить на Юге страны, или в южных районах северных регионов (где располагаются крупные города)»¹⁵.

Даже если бы мигранты и согласились переехать в места, предлагаемые правительством, главным препятствием переезда остаются разрешения на поселение и жилье. Мигранты станут соперничать с теми, кто уже проживает там в течение длительного времени и кому уже впору самим бороться за доступ к скудным жилищным ресурсам. В июле 2002 года британский журналист Эндрю Джек (Andrew Jack) в статье в «Файненшл таймс» писал, например, что жилье «предназначенное для приезжих с Севера, строится только для того, чтобы быть присвоенным местными властями, нуждающимися в нем для обеспечения собственного населения»¹⁶. Действительность, с которой сталкиваются многие мигранты в наиболее привлекательных местах России, хорошо просматривается на примере положения, в котором оказались люди, переселившиеся из Казахстана в окрестности Москвы и проживающие в старых или заброшенных строениях на правах беженцев (см. блок 8-3).

Блок 8-3. «Мигранты живут в южных пригородах Москвы как крепостные»

«Когда агроном Анна Самусенко два года тому назад приехала из Казахстана в Россию, она почувствовала облегчение. Теперь она будет жить среди своего собственного народа, говорить на своем родном языке и использовать свое умение во благо возрождающемуся сельскому хозяйству. Но ее мечты не осуществились. Хотя она и нашла работу в колхозе на юге от Москвы, с ней там обращались почти как с крепостной... Самусенко (52 года) и ее семья живут в заброшенной конторе захудалого колхоза «Ленинское знамя» в Шарапове. Она охраняет коровник и ухаживает за телятами, а это значит, что она каждый день перетаскивает на себе по 1,7 тонны кормов за зарплату в 83 копейки в час... Без российского гражданства и местной регистрации – колхоз говорит, что получение прописки для нее обойдется слиш-

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

ком дорого, – она не имеет никаких прав и никакой возможности пожаловаться властям и куда-нибудь обратиться...»

«По словам Лилии Макаровой, которая возглавляет региональную организацию мигрантов «Свет», только в одном Шарапове десятки семей, которые находятся в таком же положении, как Самусенко, и 700 – где-то еще в Чеховском районе. Организация была создана прошлой осенью и объединяет 1300 семей из Чеховского, Истринского и Подольского районов и городов Люберцы и Клин, все в Московской области. Она говорит, что каждую неделю к организации присоединяются по 5–10 новых членов... Мигранты, многие из них этнические русские, приехали в Московскую область из Молдовы, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана. Некоторые, по словам Макаровой, были приглашены директорами колхозов, поместившими объявления в газетах, обещавшими регистрацию, жилье и работу. Другие, подобно Самусенко, просто оставили все и бежали, надеясь на поддержку своей родины. Но большинство было обмануто, говорит Макарова. Те, кто их пригласил, поселили их в нежилых помещениях типа бань, заброшенных школ, прачечных или в зданиях контор. Зарегистрированы были лишь немногие. Они боятся выходить с территории колхоза, не могут получить бесплатную медицинскую помощь, не могут участвовать в выборах и как чужаки являются объектами регулярных оскорблений и унижений...»

«Информационное агентство «Миграция» подсчитало, что в России 8 миллионов мигрантов этнические русские. Только 800 000 человек получили статус «вынужденные переселенцы» от российских миграционных властей до своего приезда в Россию, что дало им право обратиться за местной регистрацией. Большинству же не удалось получить надлежащие бумаги, или они даже и не знали, как их получить...»

«Виктор Лопырев, бывший начальник Московского областного отделения Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям, сообщил в телефонном интервью, что в области 12 000 официально зарегистрированных вынужденных мигрантов из бывших советских республик... Многие из мигрантов имеют высшее образование и профессиональные навыки, но они работают на самых низкооплачиваемых работах или получают мизерные пенсии, потому что у них нет документов».

Источник: *Yevgenia Borisova*. Migrants Live as Serfs Southof Moscow // The Moscow Times. 17 July 2001. P. 1.

За пределами Москвы нет процветающих городов

В случае, описанном в «Москоу таймс» (см. блок 8-3), мигранты нашли видимость работы под Москвой. Но подыскать себе альтернативу или новую работу в регионах-получателях оказалось делом весьма проблематичным для большинства потенциальных мигрантов. За пределами Москвы найдется очень немного городов с солидной или растущей базой занятости, потому аргументы Норильска представляются такими привлекательными. Понятно, что редко кто среди желающих уехать из Сибири или с Севера, какими бы сложными ни были их обстоятельства, готов столкнуться с безрабо-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

тицей в незнакомом месте в европейской части России без поддержки официальной сети социальной защиты.

Как на самом деле функционируют российские предприятия, остается загадкой (в частности, из-за скрытых субсидий и т.д.)¹⁷. Однако сравнительно хорошим показателем выживаемости в будущем является то, как судят о регионе иностранные инвесторы, не склонные действовать исходя из политических соображений. Средний уровень прямых иностранных инвестиций в российскую экономику остается досадно (и незаслуженно) низким. Но более важной в свете наших рассуждений представляется разбивка статистических данных по регионам. Здесь, несомненно, Москва – на коне. В течение последних пяти лет на долю Москвы и Московской области приходилось почти 40 процентов всех иностранных капиталовложений в Россию в форме инвестиций в основные фонды. Регион Санкт-Петербурга – далеко позади с его менее чем 9 процентами (см. таблицу 8-1)¹⁸.

Вывод из данных таблицы 8-1 таков: Москва, по сути, является единственным «процветающим городом» России по ПИИ – со значительным разрывом между Москвой и другими российскими городами, включая Санкт-Петербург. Поэтому-то она и привлекательна для миграции. Миграция в Москву – признак развития рыночной экономики и влияния экономических сил. К несчастью,

Таблица 8-1. Доминирование Москвы в привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 1998–2002 годы

Регионы*	% от всех ПИИ
1. Москва (город и область)	39,2
2. Сахалин	12,3
3. Краснодар	11,9
4. Санкт-Петербург и Ленинградская область	8,8
5. Тюмень	3,1
6. Самара	2,7
7. Новосибирск	2,7
8. Свердловск	2,4
9. Калуга	1,5
10. Волгоград	1,2
11. Оренбург	1,1

Источник: Подсчеты авторов с использованием данных Госкомстата из Ежедневных отчетов Интерфакса. № 11 (1999), 12 (2001), 12 (2003).

* Остальные регионы по отдельности насчитывают менее 1,0 процента от совокупных ПИИ. В общей сложности на их долю приходится 13,2 процента. Общая сумма ПИИ в 1998–2002 годах составила 20 миллиардов долларов.

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

на всем протяжении как советской, так и постсоветской истории правительство не раз предпринимало меры по ограничению заселения и ограничению разрастания столицы. Москва может стать магнитом российской миграции, но российские власти последовательно и зачастую тщетно пытаются противостоять мигрантам.

Ограничение разрастания Москвы

С самого зарождения советского режима государственное планирование ограничивало численность московских жителей. Система внутренних паспортов 1932 года и прописки была разработана не только для контроля над внутренней миграцией в СССР, но еще и для того, чтобы предотвратить массовый наплыв людей в столицу. В 1935 году ЦК КПСС попытался ограничить численность московского населения пятью миллионами человек, но последствия Второй мировой войны, послевоенные усилия по реконструкции требовали привлечения все большего и большего количества сельских жителей из окрестностей Москвы¹⁹. К 1965 году городская миграция, а не естественный прирост составляла львиную долю в приросте численности населения Москвы. Гарвардский ученый Тимоти Колтон (Timothy Colton) пишет: «С 1965 года по конец 1980-х годов примерно 85 процентов демографического прироста в Москве образовались за счет массового притока из российских городов и деревень – перемещения подобного рода генеральным планом не предусматривались»²⁰. Понятно, что система прописки работала не настолько эффективно, как надеялись ее создатели. Колтон в первую очередь пишет о четырех недостатках системы прописки, которые способствовали приросту численности московского населения, а именно: браки между резидентами и нерезидентами; уловки и взяточничество в паспортной милиции; личные связи с крупными предприятиями и другими советскими организациями и специальные разрешения на работу, выданные чужакам. Последняя группа стала известна под сводным понятием *лимитчики* (те, кто шел сверх административных «лимитов», или рабочих квот)²¹. Лимитчики часто брались за ту работу, которой москвичи не хотели заниматься, – строительство и техническое обеспечение объектов. Но, будучи приняты на работу, они обычно быстро вырывались вперед и подыскивали себе более престижные должности, увеличивая таким образом потребность во все большем числе сторонних работников.

В 1971 году обеспокоенные неординарным ростом Москвы Моссовет и МГК КПСС утвердили новый план развития города. Его рост признали необходимым контролировать, чтобы улучшить условия

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

проживания московского трудового населения. Новый городской план зафиксировал лимит численности населения в 8 миллионов человек. Он предусматривал более строгое соблюдение режима прописки и установление лимитов рабочих мест для контроля над приростом численности лимитчиков²². Однако, несмотря на все эти защитные меры и ограничения, в период между 1965 и 1980 годами занятость возросла больше чем на треть в каждом из секторов труда, за исключением обрабатывающей промышленности. В ответ директора предприятий тоже увеличили потребность в лимитчиках. Отсутствие координации между директорами местных предприятий, городскими властями и центральными планирующими органами позволяли тысячам новых лимитчиков просачиваться в Москву, «успешно» подрывая тем самым план 1971 года²³.

Подобная ситуация имела место и в 1980-х годах. В 1985 году за проблему неконтролируемого роста численности населения взялся назначенный первым секретарем МГК КПСС Борис Ельцин. В сентябре 1987 года он убедил Политбюро принять постановление об окончательном запрете использования лимитчиков²⁴. Однако поставленные задачи по регулированию населения вновь оказались совершенно нереальными. Колтон пишет: «(Планом) устанавливалась квота по численности населения в 9,5 миллиона человек к 2000 году и 10 миллионов человек к 2010 году; но для достижения даже этих показателей требовалось бы замедлить прирост численности населения на две трети»²⁵.

Какое-то непродолжительное время казалось, что прирост численности населения действительно замедлился. На демографическую обстановку в Москве неблагоприятное влияние оказывали естественные процессы. В конце 1980-х годов низкий уровень рождаемости в сочетании с возросшей смертностью стали причиной самого низкого прироста за весь послевоенный период. После развала Советского Союза отрицательное сальдо по миграции во время неразберихи начала 1990-х годов еще более усугубило ситуацию. В 1992–1993 годах Москва, впервые после сталинских чисток середины 30-х годов, пережила спад в нетто-численности постоянного населения²⁶. Эта тенденция, однако, оказалась краткосрочной. С 1993 по 1994 год сальдо показателя миграции на 10 000 жителей возросло с -6 до +12²⁷. С тех пор оно постоянно ползет вверх, несмотря на непрекращающиеся старания по введению разрешений на жительство. Как и в советские времена, все старания московского правительства по сдерживанию роста численности населения в столице тщетны. Перепись 2002 года показывает, что в Москве сегодня более 13 миллионов жителей (как постоянных, так и не официальных)²⁸.

Система прописки сохраняется

Несмотря на бесчисленные судебные тяжбы 90-х годов, проживание в Москве все еще регулируется чем-то вроде системы прописки²⁹. Подобно Борису Ельцину, московский мэр Юрий Лужков персонально возглавил движение за сохранение политики ограничений советских времен по проживанию в Москве ввиду угрозы перегрузки городских служб и безопасности из-за беспрепятственной миграции. После серии взрывов жилых домов в Москве осенью 1999 года – российское правительство отнесло их на счет чеченских террористов – виды на жительство были напрямую увязаны с борьбой против терроризма. В сентябре 1999 года Лужков постановил, что «немосквичи» должны прийти на собеседование и получить новое разрешение на проживание в трехдневный срок³⁰. Кроме того, доступ в столицу нерезидентам был успешно перекрыт московской милицией. Позднее правительство Москвы одобрило крайние меры, предусматривающие депортацию всех, кому не удалось зарегистрироваться для получения новых видов на жительство³¹. На московских железнодорожных и автобусных станциях были установлены контрольные иммиграционные посты, а транспорт, прибывающий в Москву, на въездах в город с основных автотрасс стал подвергаться осмотру гораздо чаще³².

Попыткам Лужкова ограничить миграцию в Москву был придан новый импульс в 1999–2002 годах из-за наплыва беженцев от возобновившейся войны в Чечне, которая обострилась вследствие ряда терактов в российских городах. Из насчитывавшихся по предварительным данным переписи 2002 года трех миллионов нерезидентов в Москве без малого два миллиона зарегистрировались как выходцы с российского Северного Кавказа и из закавказских государств – Армении, Азербайджана и Грузии³³. В июле 2002 года были введены новые правила «Юридического статуса иностранных граждан» под предлогом снижения риска терактов, но повсеместно их сочли попыткой остановить и обратить вспять миграцию с Кавказа. Этими правилами первоначально устанавливалось, что для всех иностранцев, въезжающих в страну, вводится миграционная карточка³⁴. Однако захват театра на Дубровке группой чеченских террористов в октябре 2002 года привел к открытому требованию еще больше ужесточить ограничения для *российских* граждан, мигрирующих в столицу. В своей речи в ноябре 2002 года мэр Лужков заявил, что Москва и другие крупные российские города «должны иметь обязательную систему регистрации по месту проживания», подобную системе прописки, для того чтобы «обеспечить безопасность и предотвратить теракты»³⁵.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Все это сильно осложняет попытки мигрантов переехать на новые места жительства по своему личному выбору в пределах Российской Федерации, особенно в Москву, единственный город в России, где есть наибольшие возможности найти работу и жилье. Для развития России необходимо, чтобы россияне могли свободно перемещаться. Если людей продолжают удерживать на одном месте, значит, нет ни конкуренции, ни стимула для эволюции без принуждения. Но в то же время мобильность влечет за собой и негативные последствия: отток людей и бизнеса из административных центров и городов означает не только уменьшение численности населения, но и рабочих мест. В России, если бы людям было разрешено по-настоящему свободно перемещаться, рост Москвы, скорее всего, продолжился бы, в то время как в некоторых городах и регионах спад численности населения оказался бы весьма значительным.

Дилемма мобильности: сжатие

Самая большая проблема для России заключается не в том, что она может оказаться пред лицом уменьшения численности населения в сравнительно малых городах, административных центрах и селениях в отдаленных холодных регионах, которые и так уже теряют свое население и намечены российским правительством и Всемирным банком к расселению. Острой проблемой являются огромные города, жители которых исчисляются несколькими сотнями тысяч или даже перевалили за миллион, – такие как Новосибирск, Омск, Екатеринбург, Хабаровск и Иркутск. Все они – главные негативные вкладчики в ТДН. Как мы уже не раз говорили в этой книге, их следует уменьшить. Многим из их жителей следовало бы переехать в западную часть страны, чтобы облегчить бремя российской экономики. К несчастью, хотя способы размещения населения и городов в развитых странах со времен Второй мировой войны и изменились разительным образом, аналогов подобного масштабного перемещения городского населения не существует. В крупных городах тенденции к избавлению от большого количества своих жителей и уменьшению не наблюдается. Уменьшение на деле обернется колоссальной проблемой для России, несмотря на то что оно так необходимо для будущего российской экономики.

Вообще-то, современные экономики ориентированы на рост. Уменьшение, или отрицательный рост, повсеместно воспринимается как вещь негативная, хотя это и не всегда так. Современная экономика знает множество примеров ярко выраженных преимуществ уменьшения, или сокращения в размерах. Такая практика находит

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

применение в различных случаях – от кадрового обеспечения департаментов до ликвидации целых направлений бизнеса с целью сделать совокупный бизнес более доходным. Однако принципы оздоровляющего сокращения в размерах не применимы к крупным городам. В истории США, например, уменьшение городов встречается крайне редко. Несмотря на общеизвестную концепцию кризиса уменьшающихся городов, американцы мало знакомы с таким явлением, как сокращение очень крупных городов, которые по размерам сопоставимы с российскими «промышленными динозаврами». Действительно, если взглянуть на численность жителей американских городов за двухсотлетний период (1790–1990), то окажется, что, хотя в крупных городах численность жителей и уменьшалась, в регионах, находящихся непосредственно в окрестностях этих городов (которые тоже входят в центральный статистический регион, или MSA), на самом деле наблюдался рост. Эта тенденция объясняется бегством жителей из приходящего в упадок городского центра в новые предместья, которое впервые было отмечено в 1950-х годах и продолжается до настоящего времени. Эта тенденция вызвала озабоченность, как бы такое разрастание предместий не изменило облик Америки, но к уменьшению городов она не привела³⁶.

Об этом напоминают нам и данные последних американских переписей населения. Из примерно 100 главных городов США (MSAs) – тех, где общая численность жителей, включая сюда и население окрестного региона, полмиллиона или более человек, – численность жителей за двадцатилетний период с 1980 по 2000 год уменьшилась лишь в четырех. Самым крупным из городов, которые уменьшились более всего, оказался Питтсбург. Регион Питтсбурга – почти 2,5 миллиона человек. Но по сравнению с российской проблемой уменьшение здесь было невелико: всего лишь 8,3 процента потери за двадцать лет. И что особенно важно, период интенсивной потери был сравнительно краток. Питтсбург потерял почти 7 процентов от численности своего населения в 1980-х годах. Темп заметно снизился в 1990-х, и эта тенденция за последние несколько лет, возможно, поменялась на противоположную (см. таблицу 8-2).

В Соединенных Штатах бывали случаи, когда городской облик заметно менялся скорее под влиянием сокращения индустриальной экономики, чем под влиянием утечки населения в пригороды, и это приводило к значительным перемещениям населения. Такое случалось в так называемых «городах компании» (company towns, или города с градообразующими предприятиями). Упадок их основной отрасли промышленности воздействовал на них весьма неблагоприятно. Не имея возможности найти достойно оплачиваемую работу, жители вынуждены зачастую уезжать в поисках иных

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Таблица 8-2. Центральные статистические регионы США с численностью населения свыше 500 000 человек с отрицательным ростом населения, 1980–2000 годы

	Питтсбург, Пенсильвания	Янгстаун– Уоррен, Огайо	Буффало – Ниагара-Фолс, Нью-Йорк	Скрантон – Уилкс-Барре – Хазлтон, Пенсильвания
Перепись населения				
1980	2 571 223	644 922	1 242 826	659 387
1990	2 394 811	600 895	1 189 288	638 466
2000	2 358 695	594 746	1 170 111	624 776
Изменение в %				
1980–1990	–6,9	–6,8	–4,3	–3,2
1990–2000	–1,5	–1,0	–1,6	–2,1
1980–2000	–8,3	–7,8	–5,9	–5,2

Источники: Данные по численности населения за 1990–2000 годы – U.S. Census Bureau; данные за 1980 год – Demographia Demographic Brief, U.S. Metropolitan Areas; численность населения с 1900 года доступна в Интернете: <http://www.Demographia.com/db-usmetfr1900/pdf>.

возможностей. Одним из примеров этому может послужить город Ром, штат Нью-Йорк (Rome, NY), где в период между 1990 и 2000 годами, после закрытия авиабазы Гриффитс, численность жителей уменьшилась с 44 350 до 34 950 человек (21 процент снижения)³⁷. Однако подобные города градообразующей компании в США обычно меньше по численности населения, чем другие административные центры и города, поэтому существенное снижение численности их жителей незначительно меняет профиль американских городов. В блоке 8-4 приводится наглядный обзор таких американских городов.

Блок 8-4. Города градообразующих компаний в США

«Город Херши, штат Пенсильвания, в начале этого месяца, несомненно, вздохнул с облегчением, когда суд округа заблокировал предложение о продаже «Херши фудс» по той причине, что продажа изготовителя сладостей может причинить общине «непоправимый вред». Сельскому Коудерспорту, штат Пенсильвания, подобные опасения хорошо знакомы: его самый большой работодатель, гигантский оператор кабельного телевидения «Адельфия», объявил о банкротстве в июне. Такова постоянная угроза, в условиях которой приходится существовать *городу градообразующей компании*, тому небольшому американскому административному центру или городу, чья идентичность и экономическое будущее в значительной степени зависят от крупного бизнеса, имеющего здесь главный офис. (Иногда такой город может освободиться от своей зависимости, если не сказать – от своих уз; Батл-Крик, штат Мичиган, также известный как «Город Сухих Завтраков»,

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

навсегда останется городом компании «Келлог», несмотря на то что в последние годы самым крупным работодателем в Батл-Крик стал японский производитель автомобильных деталей «Денсо».) Ниже перечислены города градообразующей компании – часть из них известна, другие не очень, – чьи судьбы тесно связаны с крупным бизнесом, обосновавшимся в них:

1. Phillips Petroleum, Оклахома. Нас.: 34 748. Местные работники: примерно 2400 человек.
2. Leggett & Platt, изготовитель промышленных материалов. Карфаген, Монтана. Нас.: 12 668. Местные работники: 2169.
3. Tyson Foods, переработка мяса. Спрингдейл, Арканзас. Нас.: 45 798. Местные работники: примерно 3200.
4. Maytag, изготовитель бытовых приборов. Ньютон, Айова. Нас.: 15 579. Местные работники: 4000.
5. Pella, изготовитель окон и дверей. Пелла, Айова. Нас.: 9832. Местные работники: примерно 3000.
6. Hormel Foods, переработка мяса. Остин, Миннесота. Нас.: 23 314. Местные работники: 2100.
7. WorldCom, агентство связи. Клинтон, Мисс. Нас.: 23 347. Местные работники: примерно 900.
8. Whirlpool, изготовитель бытовых приборов. Бентон-Харбор, Мичиган. Нас.: 11 182. Местные работники: примерно 2700.
9. Kellogg, изготовитель сухих завтраков. Батл-Крик, Мичиган. Нас.: 53 364. Местные работники: 1650.
10. Dow Chemical, Мидленд, Мичиган. Нас.: 41 685. Местные работники: примерно 6000.
11. Mohawk Industries, изготовитель ковров. Калхун, Джорджия. Нас.: 10 667. Местные работники: 2793.
12. J. M. Smucker, изготовитель фруктовых джемов. Орвилл, Огайо. Нас.: 8551. Местные работники: 660.
13. Adelphia Communications, оператор кабельного телевидения. Коудерспорт, Пенсильвания. Нас.: 2650. Местные работники: 1500.
14. Corning, изготовитель оптического волокна и кабелей. Корнинг, Нью-Йорк. Нас.: 10 842. Местные работники: 5200.
15. Hersey Foods, изготовитель сладостей. Херши, Пенсильвания. Нас.: 12 771. Местные работники: 6200.
16. Smithfield Foods, производитель свинины. Смитфилд, Виргиния. Нас.: 6324. Местные работники: 4511.
17. Timberland, изготовитель обуви и одежды. Стратам, Нью-Гэмпшир. Нас.: 5810. Местные работники: 730.
18. L.L. Bean, розничная торговля через каталоги. Фрипорт, Мэн. Нас.: 1813. Местные работники: 1600».

Источник: *J. R. Romanko*. The Way We Live Now: The One-Company Town. The Big Business of Small Towns // New York Times Magazine. 22 September 2002. P. 20.

В Европе тоже встречались случаи уменьшения малых поселений и городов градообразующих компаний. Это происходило в местах с остаточной промышленностью по мере перехода стран с акцента на тяжелые или добывающие отрасли к обрабатывающим отрас-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

лям легкой промышленности и индустрии обслуживания. Например, в Великобритании политика уменьшения активно проводилась после Второй мировой войны в шахтерских поселках на английских угольных месторождениях, которые были сочтены нежизнеспособными после закрытия там угольных шахт. Некоторым бывшим шахтерским поселениям была присвоена «категория Д». Это означало, что в отношении них будет проводиться политика невыделения инвестиций, чтобы ускорить социально-экономическую и физическую деградацию этих поселений и побудить к отъезду оттуда наиболее активные группы населения³⁸. Кроме того, после воссоединения Германии многие промышленные города Восточной Германии, построенные вокруг градообразующих предприятий после Второй мировой войны, теперь тоже уменьшились. Одним из наиболее ярких примеров этому служит город Хойерсверда (Hoyerswerda) в Саксонии, где численность населения за прошедшее десятилетие уменьшилась с 75 000 до 45 000 человек (уменьшение на 40 процентов) в связи с деградацией самой крупной в городе электростанции, основного работодателя. Хойерсверду, с ее первоначальной численностью населения в 8000 человек в 1960-х годах, ускоренно развивали и расширяли таким же образом, как и советские города на Урале и восточнее его. Многие работники электростанции и жители Хойерсверды переселились в западную часть Германии³⁹.

Аналогичным же образом происходило уменьшение городов и поселков по всей Европе и в Северной Америке. Миграция из сельской местности в городскую – явление столетней давности, она продолжается и поныне даже в индустриальных обществах. Маргинальные регионы или регионы, которые трудно поддерживать, – такие как равнинные американские штаты и канадские провинции, продолжают терять своих жителей. В 1990-е годы, например, 65 процентов округов на американских Великих равнинах стали терять своих жителей, в то время как численность населения в США возросла на 13 процентов⁴⁰. Во многих случаях на смену естественному приросту населения приходил естественный спад, так как наиболее молодые и наиболее деятельные постоянные жители уезжали на поиски работы в более крупных городах и в других регионах.

В России это явление тоже имело место в советский период, так как люди уезжали из сельских регионов в города, чтобы пополнить рабочую силу в промышленности. И, как мы уже рассказывали, в отдаленных регионах российского Дальнего Востока и Севера малые города и поселки тоже стали уменьшаться после развала Советского Союза. За десятилетие с 1979 по 1989 год абсолютное уменьшение численности жителей произошло в 977 российских городах – примерно в одной трети российских городских центров, а

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

некоторые города исчезли совсем⁴¹. С 1989 по 1994 год больше всего уменьшающихся городов было на Северо-Западе, в центральных регионах вокруг Москвы, в Свердловской и Пермской областях и за Северным полярным кругом. Большинство из них были связаны с лесной продукцией, текстилем или горным делом – все эти отрасли промышленности в упадке. Стремительное уменьшение численности жителей там объяснялось повсеместным уменьшением численности населения и, следовательно, упадком в городах России, начавшимся в 1970-е годы⁴².

Однако масштабность всех этих уменьшений была невелика. Если и отмечались существенные спады, то они имели место в небольших или средних городах. Вообще-то, в настоящее время сжатие *крупных* городов в больших масштабах не происходит и, конечно, они не пустеют. Это было бы беспрецедентно. Во всем мире города жизнеспособны: они устойчивы, они приспосабливаются. Есть некое постоянство в городах. Они могут расти и могут уходить в застои, население может перемещаться и переселяться в пределах региона метрополии, но городам сложно уменьшиться. Причина в том, что они эволюционировали, чтобы играть роль во все более масштабной экономике. Такие роли обычно не меняются катастрофически и внезапно. У городов и их жителей есть время приспособиться к новым условиям и выжить.

Конечно, можно представить катастрофические события, например войны. Россия видела в своей истории уменьшение городов вследствие Первой и Второй мировых войн, а также разруху времен революции и Гражданской войны. Одним из наиболее заметных практических примеров устойчивости и постоянства городов служит Япония после Второй мировой войны.

«Постоянство» городов

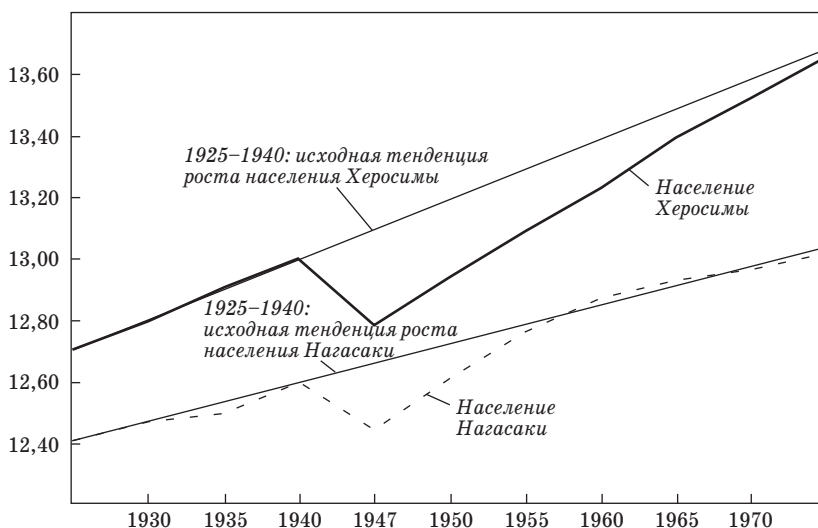
Судьба разрушенных японских городов после Второй мировой войны является яркой иллюстрацией стабильности городов и их сопротивляемости уменьшению в размерах в тех случаях, когда шок носит временный характер и по природе своей не имеет отношения к экономике (то есть не имеет отношения к роли городов в национальной и мировой экономике). Экономисты Дональд Дэвис (Donald Davis) и Дэвид Вайнштейн (David Weinstein) изучали результаты союзнических бомбардировок – кампанию, которую они описали как «одно из самых сильных потрясений по части размеров городов, которые когда-либо испытывал мир»⁴³. США наметили 66 японских городов объектами массированных и сис-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

тематических бомбардировок, которые имели опустошительный результат. Была уничтожена почти половина всех городских структур – 2,2 миллиона зданий. «Две трети производственных мощностей исчезли»; 300 000 человек были убиты; 40 процентов жителей городов оказались бездомными. «Некоторые города потеряли почти половину своих жителей по причине смерти, пропажи без вести или бегства». «Мы обнаружили, что за разрушением последовало чрезвычайно интенсивное восстановление. Большинство городов вернулись почти на те же места в списке распределения городов по их размерам примерно за 15 лет». То есть послевоенный рост в разрушенных городах был намного больше, чем в других, и они восстановили свои прежние позиции в иерархии городов по размерам. Обычный рядовой город после Второй мировой войны полностью восстанавливался в прежних размерах за 15 лет. Наиболее заметны примеры городов Хиросима и Нагасаки. По официальным данным (а они, вероятнее всего, были занижены), ядерными ударами было убито не менее 20,8 процента жителей Хиросимы и 8,5 процента жителей Нагасаки. Но даже эти города почти полностью восстановили свой предво-

График 8-1. Послевоенное восстановление Хиросимы и Нагасаки

Планка численности населения

Источник: Donald R. Davis and David. E. Weinstein. Bones, Bombs, and Break Points: The Geography of Economic Activity. Working Paper 8517. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, October 2001. Figure 2.

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

енный относительный размер – Нагасаки всего за десять лет, а Хиросима за тридцать (см. график 8-1).

В России города – за исключением периодов войн – тоже демонстрировали постоянство*. До 1990-х годов они были уникальны своей *искусственной* стабильностью. В Соединенных Штатах произошло 16 случаев уменьшения городов с численностью населения свыше 100 000 человек в период 1980–2000 годов. В России же только один город с численностью жителей свыше 100 000 человек – Магадан, один из наиболее отдаленных и наиболее неблагоприятных для проживания северных российских городов, – стремительно уменьшился в конце 1980-х годов (почти на 11 процентов). Однако с середины 1990-х годов темп его уменьшения замедлился⁴⁴. Как уже говорилось, Россия имеет долгую историю создания городов в административном или плановом порядке. В советскую эпоху городам не разрешалось самостоятельно реагировать на тенденции в глобальной экономике или меняться в соответствии с ними – особенно на Урале и в Сибири. В отличие от Канады и США, где поселения в отдаленных и холодных регионах со временем либо достигали максимума своего развития, либо уменьшались естественным путем (это происходило несмотря на кажущуюся привлекательность их природных ресурсов или их традиционное промышленное значение), в России вмешательство со стороны государства не допускало подобного. В советский период города проходили фазы своего развития в плановом порядке и под руководством правительства. Заблокированность жителей на одном месте спасала их от уменьшения (за исключением случаев естественного уменьшения из-за снижения рождаемости и старения жителей, которых российское правительство не было способно предотвратить).

Препятствия на пути к уменьшению размеров старых советских городов

Те два факта, что крупные города не склонны сами по себе уменьшаться и что крупным советским городам никогда не позволялось уменьшаться или останавливаться в своем росте даже тогда, когда это было нужно, – неблагоприятны для современной России, кото-

---

* Наиболее запредельный случай уменьшения города в России после развала СССР произошел со столицей Чечни, Грозным, численность населения которого упала примерно с 400 000 в 1989 году до чуть более 220 000 человек в 2002 году. Такое уменьшение явилось следствием двух чеченских военных кампаний 1994 и 1999 годов.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

рой желательно уменьшить в размерах некоторые крупные города, чтобы отвечать тенденциям глобальной экономики.

Представим себе, например, уменьшение Норильска в случае закрытия цеха по литью никеля, – в городе проживает 235 000 человек, из которых примерно треть работает на «Норильском никеле». Или уменьшение Новосибирска, номера один в списке городов, понижающих ТДН, агломерации с численностью населения без малого 1,4 миллиона человек. Хойерсверда, уменьшающийся город в Восточной Германии, насчитывал почти 100 000 жителей и потерял за десятилетие 30 000 человек. Представьте себе 40-процентное уменьшение Норильска (почти 90 000 человек) или одновременный исход свыше полумиллиона людей из Новосибирска. Куда им идти? И что произойдет с городами, которые они покинут?

Если архитекторы российской политики последовали бы рекомендациям авторов этой книги и стали буквально претворять в жизнь программу уменьшения размеров уральских и сибирских городов в условиях, когда единственными примерами подобного уменьшения в других странах являются малые поселения, то первичные последствия были бы негативны. Рассмотрим рассуждения Витольда Рыбчинского (Witold Rybczynski) на тему проблем уменьшения размеров американских городов (см. блок 8-5). Это единственная на сегодня статья, где детально обсуждаются проблемы, связанные с уменьшением крупных городов, поскольку это явление встречается крайне редко.

Блок 8-5. Уменьшение размеров городов

«При потере населения город сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, хотя и говорят зачастую, что город уменьшается, его физический размер остается прежним. То же самое количество улиц надо охранять полиции и ремонтировать, обслуживать все те же водопровод и канализацию, управлять теми же транспортными системами. Из-за меньшего количества налогоплательщиков снижаются государственные доходы, что приводит к повышению налогов на душу населения и повсеместному ухудшению обслуживания. Из-за этого больше людей уезжает, и раскручивание спирали в нисходящую сторону продолжается».

«Вторая проблема в том, что жизнеспособность города всегда зависит от адекватной концентрации людей. В 1950 году средняя плотность населения в таких городах, как Детройт, Кливленд и Питтсбург, составляла более 4600 человек на квадратный километр; к 1990 году она была уже где-то на уровне 2300 или 2700 человек – разительное уменьшение численности. На деле все обстояло гораздо хуже, так как уменьшение численности не распространялось равномерно по всему городу, и в отдельных его районах сокращение было гораздо больше».

«Без достаточной концентрации людей не только становится чрезвычайно дорогим делом обеспечение повседневного муниципального обслуживания, но и сама городская жизнь начинает рушиться. Начинает не хватать покупателей для мага-

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

зинов в округе и потребителей коммунального обслуживания или даже для того, чтобы поддерживать дух общины. Пустынные улицы становятся опасными, а заброшенные строения превращаются в прибежища наркоторговцев и преступников. Американские исследования проблематики заброшенного жилья обнаружили, что критическое положение в округах создается тогда, когда от трех до шести процентов строений оказываются заброшенными. Свободные участки и опустевшие здания – это больше чем симптомы деградации, они еще и ее причина...»

«Городу, численность жителей которого радикально снизилась, в первую очередь надлежит консолидировать жизнеспособные округа. Вместо того чтобы принимать неэффективные запоздалые меры и пытаться сохранить *все* округа, как это делается сейчас, уже свершившейся и прогрессирующей заброшенности надо действовать. Следует предлагать людям жилищные альтернативы в других частях города, частично заселенный муниципальный жилищный фонд надо освобождать и сносить, а частным землевладельцам предлагать землю взамен. Наконец, зоны округов, в которых нет жителей, надо переводить в новую категорию – нулевой заселенности – и все муниципальное обслуживание там прекратить. В выбранных регионах надо постараться сконцентрировать ресурсы – жилищную поддержку и социальные программы».

«Консолидация неизбежно повлечет за собой перемещение отдельных лиц и семей из одной части города в другую...»

Источник: Witold Rybczynski. Downsizing Cities: To Make Cities Work Better, Make Them Smaller // Atlantic Monthly. October 1995. Vol. 276. No 4. P. 36–47 (<http://www.theatlantic.com/issues/95oct/rybczyns.htm>).

Рыбчинский считает, что, если даже города и уменьшаются в численности жителей, их физический размер остается прежним и базисное обслуживание надо продолжать осуществлять, даже если люди разъезжаются. В то же время уменьшение численности населения вызывает упадок городской жизни. Решением явилась бы попытка расселить и консолидировать жителей в жизнеспособных городских районах, а те районы, которые невозможно сохранить, демонтировать. Это представляется осуществимым в американском городе, где обслуживание осуществляется по принципу от дома к дому и от округа к округу. Но в российских городах, построенных так масштабно в советскую эпоху, это трудноосуществимо. Все свидетельствует о том, что в России любые проекты, подобные «Реструктуризации Севера», в соответствии с которым предполагается, вероятнее всего, перегруппировать людей в уменьшающихся северных российских административных центрах и городах и повысить эффективность обслуживания в объединенных районах, окажутся перед лицом серьезных проблем. Предполагаемые затраты будут велики из-за своеобразия советского централизованного отопления, энергосистем и прочих коммунальных услуг.

В советскую эпоху уральские и сибирские города ВПК строились из расчета вмещать от 1 до 1,4 миллиона человек. Эта мас-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

штабность сама по себе была продиктована инженерными ограничениями гигантских электроэнергетических систем и систем централизованного парового отопления, используемых для освещения и отопления жилых домов, – очевидная неизбежность в Сибири. Существовала силовая и отопительная инфраструктура советского типа определенной конфигурации, включая нефтеперерабатывающий завод под определенный размер энергетических и отопительных коммунальных предприятий⁴⁵. Города с численностью жителей порядка миллиона человек снабжались энергией от 4–5 электростанций, одними из которых ведало муниципальное руководство, другими – отдельные предприятия, и каждая из них обслуживала крупный сектор города. Как мы отмечали ранее, советские города не проектировались так, чтобы инфраструктура обладала гибкостью и адаптировалась к изменениям численности населения. Они строились определенных размеров и для определенных целей. Все задумывалось так, чтобы быть в пору. Энергетические и отопительные коммунальные предприятия, канализация, блоки многоквартирных домов, школы, больницы – все они были спроектированы в привязке к целым районам и ко всему городу⁴⁶.

Эти советские города более напоминали агломерат отдельных гигантских предприятий с единым снабжением теплом и энергией и единой системой канализации и водоснабжения с точки зрения их муниципальных систем. Неделимость муниципальной инфраструктуры предельно усложняла простое отключение отдельных квартир, полностью пустых зданий или ненаселенных районов от основных систем. Перемещение жителей и снятие с обслуживания потребовало бы отключения и демонтажа всего электроэнергетического комплекса, обслуживаемого гигантским штатом людей, которые обеспечивают его работу и постоянный ремонт и обслуживание⁴⁷. В двух сибирских ядерных городах, Северске и Железногорске, например, три изношенных военных ядерных реактора, намеченных на списание, пришлось не отключать, так как системы отопления в блоках жилых многоквартирных домов в этих городах целиком и полностью зависели от них. Новых генерирующих мощностей в наличии нет, и вряд ли они появятся в обозримом будущем. Как сказал один местный журналист, «сегодня остановка этих реакторов автоматически парализует жизнь в Северске и Железногорске»⁴⁸.

Производство энергии, электроснабжение и отопление – гигантские затраты для муниципальных бюджетов России в целом и Урала, Сибири и российского Дальнего Востока в частности⁴⁹. Обогревательные системы – это в основном системы с одной-двумя трубами, с постоянным водооток и прямым распределением, часто

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

располагающиеся на поверхности, с существенными термальными потерями и ненадлежащими средствами определения утечек. 70 процентов всего жилья в России завязаны на централизованные прямые отопительные системы. Тепло раздается от предприятий теплоснабжения через ряд подстанций, обслуживающих здание или группу зданий. В подстанциях обычно имеются четыре трубы – две подводящие горячую воду и две обеспечивающие теплом (переносимым горячей водой или паром), – напрямую подключающие систему к разводке здания или к трубам отопления⁵⁰. Муниципальным властям выставляется счет за количество тепла, уходящего с генерирующего предприятия, а не за потребление его. Температуру поставляемого тепла можно регулировать только на центральной котельной или на энергетическом (отопительном) предприятии, которое устанавливает температуру в соответствии с температурой окружающей среды – чем холоднее, тем больше вырабатывается тепла. За исключением открытые форточек для вентиляции при избытке тепла, конечный потребитель не имеет возможности регулировать у себя температуру, а поставщики не в состоянии измерять или модулировать использование тепла в соответствии с изменениями в потребности⁵¹.

Кое-какие изменения в этих системах возможны. Состоялись развернутые дискуссии о способах повышения эффективности расхода энергии в крупных российских городах, особенно в холодных регионах. Московский центр энергосбережения, Всемирный банк, Институт экономики города и многие другие организации предлагали решения, включая установку счетчиков, улучшение теплоизоляции домов, принятие мер по снижению потребления энергии и переход на новую газотрубопроводную систему отопления взамен водо- или парораспределения⁵². Однако предлагавшиеся решения были сложны и дороги для подобного рода крупномасштабного использования. При этом так и хочется спросить: а стоит ли вообще этим заниматься?

Новая система газового отопления, например, потребует капитальной реконструкции существующей инфраструктуры. Даже такие практические мелкомасштабные меры, как установка счетчиков, будут недостаточными для решения проблем уменьшения размеров или численности жителей городов, так как количество тепла, направляемого в дом или район, невозможно так запросто взять и отрегулировать или подсчитать. Пытаясь добиться как платежей за энергию, так и ее экономии, а также снижения некоторых расходов муниципальных властей, федеральное правительство предложило еще с 2003 года переложить большую часть коммунальных затрат на потребителя (население и промышлен-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

ность)⁵³. Такие меры чреваты политической взрывоопасностью: российские социологи полагают, что 60 процентов жителей будут не в состоянии вынести рыночную стоимость их доли коммунальных услуг, а неплательщиков за коммунальные услуги будет невозможно в качестве наказания просто взять и отключить в индивидуальном порядке⁵⁴. Дома пришлось бы отключать от коммунальных услуг целиком. Если, например, завод не оплачивает свои счета за коммунальные услуги и подлежит отключению, то и весь прилегающий к нему район, включая жилые дома и больницы, тоже надо будет отключать от электричества, тепла и воды. Это явление за последние несколько лет неоднократно повторялось по всей Российской Федерации, а за Уралом оно стало почти обыденным делом⁵⁵. Что касается экономии, то при настоящем положении дел структура и конфигурация распределительных подстанций и труб внутри зданий лимитируют выгоды от снижения потребления энергии. По утверждениям Международного энергетического агентства (IEA), «любая попытка ограничения движения тепла через существующие радиаторы негативно отразится на поступлении тепла в другие помещения по вертикали, если не установить перемычку. Неуравновешенное распределение тепла внутри зданий приводит к перегреву у расположенных в «противотоке» потребителей, вызывая вполне адекватную реакцию в форме тепловентиляции посредством открытия окон»⁵⁶. Кроме того, когда город уменьшается, отъезд людей из домов приводит скорее к увеличению, нежели к уменьшению затрат на каждого остающегося потребителя, усугубляя нагрузку на них.

Основная масса жилищного фонда в России нуждается в структурном ремонте и замене. В Советском Союзе строились преимущественно типовые дома, что усложняет, удорожает их реконструкцию и вызывает необходимость чаще ее проводить. Специальные холодостойкие сорта сталей и алюминия были в советский период в дефиците и редко использовались в строительстве⁵⁷. И несмотря на изобилие деревянных стройматериалов и существующую издавна местную традицию строительства маломасштабного деревянного жилья для противостояния холоду, возводились крупномасштабные жилые дома из бетона. Теплоизоляции и эффективному использованию энергии в советский период уделялось мало внимания, когда затраты и экономия не имели большого значения. Одним из замыслов, возникших недавно, было внедрение энергосберегающих жилищных технологий из Канады и Скандинавии. Действительно, в 1990-х годах в Сибирь в качестве образца был завезен по импорту и полностью смонтирован целый поселок из Канады (см. блок 8-6). Хотя канадские компании и

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

предложили построить по всей России от Москвы и до российского Дальнего Востока 10 000 новых квартир к 2005 году, понятно, что реконструировать жилищный фонд по канадским или любым другим холодостойким стандартам в крупном общегородском масштабе не реально⁵⁸.

Блок 8-6. Канадский поселок, импортированный в Сибирь

«Почти точная копия канадского арктического поселка, экспортированная в Сибирь, – это концепция заказа по почте в новом масштабе. Прототип стоимостью в 25 миллионов долларов демонстрирует россиянам преимущества канадской холодостойкой технологии для города почти мгновенного сооружения».

«Канадцы поставили новый поселок, названный Саха, в комплекте с мощной дорогой, коммунальными предприятиями, установками по обработке воды и стоков, административными зданиями, школой, универсальным магазином, пожарным депо, 40 трехэтажными домами. «Россияне пришли и выбрали конкретные дома из арктических поселков и жилищно-коммунальных служб, спроектированные местной жилищной корпорацией, – сказал Рей Карст, глава архитектурно-инженерной компании «Фергюсон, Симек и Кларк» (Ferguson, Simek and Clark), Еллоунайф, Северо-Западные территории. – Они хотели, чтобы была подключена проектно-строительная группа специалистов, поэтому в качестве генерального подрядчика мы пригласили компанию «Кларк-Боулер констракшн», Эдмонтон» (Clark-Bowler Construction). Контракт на строительство поселка был подписан в январе 1992 года с фирмой «Саха-Внешстрой», организацией при местном руководстве. Исполнение контракта было намечено на октябрь 1993 года. Свыше 4400 тонн материалов для поселка преимущественно деревянной застройки были доставлены грузовыми судами и баржами, прибыли также 90 канадских рабочих.

«Все, за исключением пожарного депо из бетона, было выполнено из легких деревянных каркасных конструкций с высокой степенью термоизоляции. «Для сибиряков, которые строили летние коттеджи и тому подобное из бетона и кирпича, это было довольно ново», – сказал Билл Джигелхауз, партнер компании «Кларк-Боулер».

Стена сухой кладки и сборные окна были тоже в новинку, как и холодная веранда и передняя при входе для защиты от мороза и снега.

«Есть многое, в чем мы можем им помочь, – сказал совладелец компании «Кларк-Боулер» Энди Кларк. – Такие вещи, как пористые стены и воздушные барьеры, были им не известны», – добавил он.

«Стальные опоры фундамента погружались в вечную мерзлоту, так как почва там раскисала при летних температурах, достигающих 40 градусов. Сталь не гниет», – сказал Джигелхауз. Водопроводные трубы и погружная насосная система для инфраструктуры были смонтированы путем бурения в вечной мерзлоте на глубину 110 метров до водоносного горизонта. Поселок обслуживается модульным предприятием по очистке сточных вод. «Если прототип будет пользоваться успехом, россияне, вероятно, подадут заявку еще на девять поселков через несколько лет», – сказал Кларк».

Источник: Engineering News-Records. 9 August 1993. Vol. 231. No 6. P. 15.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

Повсеместно в России энергосистемы продолжают по большей части оставаться без реконструкции и на грани кризиса. Хотя большинство из них и интегрированы в Единые энергетические системы (РАО ЕЭС), обстановка на Дальнем Востоке чрезвычайно напряженная. Там региональная система отрезана от национальной энергетической системы, что чрезвычайно осложняет борьбу с нехваткой энергии. Глава РАО ЕЭС Анатолий Чубайс на правительственном совещании, проводившемся на Дальнем Востоке в августе 2002 года, отмечал: «Структура энергетики Дальневосточного региона совершенно особая, которая не повторяется ни в одном из других регионов страны. Он выстроен так, что реально лишь четыре энергосистемы связаны между собой. Это юг Якутии, это Амурская область, это Хабаровский край и это Приморье. А все остальные энергосистемы являясь изолированными, работают независимо друг от друга. И это, конечно же, накладывает очень серьезные ограничения на любые предложения по стратегии, которые должны делаться отдельно для единой части энергосистемы Дальнего Востока и отдельно – для изолированных регионов»⁵⁹.

Один из таких в высшей степени изолированных регионов, полуостров Камчатка, например, целиком и полностью зависим от электричества, выработанного на крупных местных электростанциях, работающих на топочном мазуте. Это топливо было идеальным в советский период, учитывая отдаленность региона. Его легко транспортировать на большие расстояния по железной дороге или по воде. Но сегодня мазут стал чрезмерно дорогим. Пресс-секретарь РАО ЕЭС Юрий Мелихов во время энергетического кризиса на Камчатке заявлял: «В советские времена никто не считал затраты... (сегодня)... мазут является самым дорогим видом топлива. Если прибавить еще и очень большие затраты на транспортировку, то получится, что электричество на Камчатке самое дорогое в России»⁶⁰. В июле 2002 года, будучи не в состоянии погасить свою задолженность единственному поставщику – государственной нефтяной компании «Роснефть», – камчатское отделение РАО ЕЭС очутилось перед лицом перспективы прекращения производства энергии, обрекая регион на полное отключение. В ответ на это местные власти потребовали выработки новой долгосрочной региональной программы энергетического развития, которая включала бы в себя использование местных газовых ресурсов, и радикальной реконструкции инфраструктуры энергетического производства. Однако было найдено немедленное решение проблемы в форме правительственного вмешательства в дела «Роснефти» с целью помочь региону в реструктуризации его дол-

Глава 8. Можно ли «сжаться», сохранив территорию?

гов за топливо. В своем августовском выступлении по вопросу топливного и энергетического кризиса на российском Дальнем Востоке Анатолий Чубайс отмечал, что затраты являются первичным фактором при осмыслении этого вопроса. Из этих затрат на долю самого топлива приходится треть, в то время как на транспортировку – остальные две трети. Кроме Камчатки, другие дальневосточные электростанции в основном работают на угле, который тоже доставляется по железной дороге издалека, из Западной и Восточной Сибири⁶¹.

Итак, хотя мы и выступаем за уменьшение городов, это, скорее всего, будет для России почти неразрешимой задачей. В то же время все эти подготовительные мероприятия по исправлению ситуации с производством энергии, затратами на отопление и эффективностью сводятся, судя по всему, опять-таки к дорогостоящим мерам. Говорят, что модернизация одной сельской электростанции ЕЭС, обслуживающей 3000 человек, в России стоит 35 миллионов долларов⁶². Кроме того, приблизительные затраты только на удовлетворение элементарных минимальных ежегодных потребностей в замене изношенных генерирующих мощностей в конце 1990-х годов превышали 3,5 миллиарда долларов, и еще дополнительно требовалось 750 миллионов долларов на модернизацию и усовершенствование распределительной сети ЕЭС⁶³. Один из наших собеседников в российском энергетическом секторе заметил: «Дешевле было бы вывезти всех людей из этих сибирских и дальневосточных городов, чем пытаться провести реструктуризацию всей системы снабжения энергией и электричеством или перевести некоторые из систем на угле и жидком топливе на новую газовую инфраструктуру»⁶⁴.

Энергетические и отопительные системы и относящаяся к ним инфраструктура были спроектированы так, чтобы образовывать неделимое целое. Деление и уменьшение неизбежно означает разрушение имеющейся системы и ее переустройство, тогда как обслуживание одной части системы означает обслуживание целого. Это реальная дилемма для российских политиков. Итак, если действительно существуют технические препоны на пути уменьшения размеров городов в Сибири и на российском Дальнем Востоке и если обслуживать их крайне сложно, возможно ли, что россияне действительно смогут и будут просто покинуть некоторые города и в массовом порядке переселяться в европейскую часть России? Возможно ли в начале XXI столетия превратить города с несколькими сотнями тысяч или даже миллионом жителей в города-призраки?

Что произойдет, если Россия не сможет разрубить гордиев узел своего исторического багажа; если Россия будет не в состоя-

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское время

нии «сжаться», в переносном смысле, и «согреться»? Пока Россия реагирует довольно вяло. Текущая программа предусматривает оставить всех на месте и попытаться повысить эффективность при существующих сдерживающих факторах. В долгосрочном же плане это необоснованный подход. Это только кажется, что политика приспособленчества обойдется дешевле, чем принятие мер по реальному уменьшению размеров некоторых городов. На деле – все наоборот. Местные власти будут продолжать требовать от Федерации принятия дорогостоящих мер лишь ради сохранения статус-кво. Если не будет признана необходимость уменьшения размеров городов на востоке, соблазн продолжать рассматривать Сибирь как основу экономического развития России только усилится. Это худший сценарий развития. Несмотря на очевидную нехватку финансовых и людских ресурсов для большинства намеченных планов, государство продолжает политику возврата к освоению и заселению Сибири и Дальнего Востока. Такая деятельность обрекает страну на повторный цикл нерационального использования ресурсов.